

Секция «История социально-политических учений России»

Образ князя Александра Невского как инструмент формирования национальной идентичности

Мамонова Виктория Борисовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: mamonova.viktoria@gmail.com

Со времён образования Российского государства, каждый правитель, восходящий на престол, стремился умножить и усилить то, что перешло ему по наследству. Каждый новый монарх реформировал аппарат государственного управления, систему осуществления власти, административно-территориальное устройство страны. Наряду со всем этим, основным столпом, поддерживающим успешное функционирование государственных институтов, является осознание человеком своей коллективной принадлежности.

Российские государи, безусловно, осознавали этот факт и вполне понимали, что наличие коллективной идентичности у их подданных укрепит государство, а отсутствие оной может иметь печальные последствия. Поэтому уже на самых первых стадиях развития Российского государства отечественные правители стремились объединять и сплачивать свой народ не только политическими или экономическими способами, но и путем внедрения общенациональной идеологии. Можно выделить три принципа, на основе которых наиболее дальновидные русские правители стремились утвердить в сознании различных людей, оказавшихся в их власти, некое единство взглядов, ценностей, традиций.

Интересно, что во всех трех случаях русским государям (или их политическим и духовным советникам) оказывался совершенно необходим образ князя Александра Ярославича Невского. Биография Александра Ярославича стала бездонным морем, из которого черпались аргументы в поддержку той или иной государственной концепции. Подвиги князя стали своеобразными инструментами, которыми пользовалось государство для укрепления народного единства.

Конечно, важнейшей силой, способной сплотить народ была православная вера. Христианство было основой того, что в Древней Руси люди из разных конкурирующих между собой земель и княжеств продолжали сохранять духовное единство, ощущали родство между собой. В этом отношении уже со второй половины XIII века очень важен стал образ князя Александра Невского, ведь уже с этого времени Русская Церковь старалась особенно подчеркнуть в Александре Ярославиче качества идеального христианского святого[2], и хотя он еще и не был официально канонизирован, но все равно уже почитался покровителем всех тех, кто считал себя православным, тех, кому была не безразлична судьба Русской земли. Значимость его небесного покровительства для православного мира тем более возрастает после официальной канонизации в 1547 году.

Рубеж XVII-XVIII веков привнес в русскую жизнь новые идейные увлечения: рационализм, сомнения в истинности религиозного миропонимания, прагматизм. Именно поэтому, начиная с XVIII столетия на иконах Александр Невский начинает изображаться не в монашеском одеянии, как раньше, но в воинском доспехе и с мечом в руках. Новое прочтение образа русского князя символизировало собой так называемый имперский дискурс. Теперь народам Российской империи, исповедовавшим разные религии, предлагалось идентифицировать себя на основании того, что они живут в едином государстве - Отечестве, и являются подданными одного царя - Отца Отечества (Отец Отечества - официальный титул императора Петра I с 1721 г.). Таким образом, личность Александра

Невского превратилась в символ перехода от Старой России к Новой.

В начале XIX века перед российским обществом встали новые проблемы: необходимо было доказать, что русский народ - это единая великая нация, способная создать независимое великое государство, имеющее великую историю, великую культуру, великий язык.

Лучшие мыслители этого времени стремились проникнуть в «истинную природу» наций и в «истинные отношения» между нациями[3]. Критерии выделения нации предлагались самые разнообразные: вера, пищевые табу, отношение к земле (оседлые или кочевые народы), климат, как фактор, влияющий на физические данные представителей разных народов. Однако, как пишет Ю. Слезкин «ни одна из этих черт - включая «телесные качества» - не могла стать универсальным стержнем всеобъемлющей этнической номенклатуры»[3;141]. И тогда, полностью в соответствии с господствующей в европейской культуре романтической традицией, таковой признали язык - орудие, которое государство постаралось использовать для создания коллективной идентичности в XIX веке.

И опять требовался яркий пример, историческая личность, чья деятельность демонстрировала бы, что язык, традиции и культура - это не просто новые абстрактные изобретения, а важнейшие атрибуты каждой нации. Этот новый концепт был применён к образу князя Александра Невского, который во все времена пользовался непререкаемым авторитетом. Теперь в рамках нового национального дискурса следовало показать, что Александр Невский боролся не просто за сохранение целостности государства и народа, но боролся за сохранение национальной культуры и языка. В этом отношении знаменательна лекция о русском языке, прочитанная в 1821 году В.К. Кюхельбекером. По мнению Кюхельбекера, Александр Невский сыграл огромную роль в формировании важнейшего атрибута нации - языка, ибо именно он перенёс славянское наречие Новгородской республики в центральные районы Руси и позднее это наречие стало основой русского «московского» языка[4].

Неотъемлемым атрибутом нации была признана и единая история. Для этого потребовалось взглянуть на прошлое под другим углом, окрасить деятельность исторических личностей так, чтобы они вписывались в актуальный для XIX века национальный концепт. Решением этой задачи занялся известный русский писатель и поэт Н. М. Карамзин. И одним из главных участников русской истории в трудах Н.М. Карамзина предстает князь Александр Невский - в первую очередь, герой, победитель, творец будущей великой России. И недаром под пером Карамзина, стремившегося продемонстрировать единое начало русского народа, средневековая Русь XIII века превращается в Россию, а сам князь Александр Ярославич и его современники в россияне: «Еще стояль златоверхій шатерь Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подскъ его столпъ; шатерь упалъ, и Россіане возгласили побду»[1].

Но Карамзин, продолжая утверждать значимость Александра Невского как исторического героя, пошел еще дальше - он предложил иное понятие святости. Объясняя читателям причины, по которым следует считать русского князя святым, Карамзин подчеркивает, что эта не та святость, которая возводит князя в число небесных заступников: «Имя Святаго, ему данное, гораздо выразительне Великаго: ибо Великими называютъ обыкновенно счастливыхъ: Александръ же могъ добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цнить достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внешнемъ блеск Государства»[1;57]. Иначе говоря, святость Александра, по мнению историка XIX века, это не чудо, но дань благодарности, которую выказали ему верные подданные Российского государства.

Таким образом, под пером некоторых мыслителей XIX в. Александр Невский превращается из святого заступника, проводника своего народа в Царствие Небесное, в героического исторического персонажа, благодарная память о котором способна сплотить великий русский народ.

Источники и литература

- 1) Карамзин Н.М. История государства Российского. М.,1988. Т.IV С.18
- 2) Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы./ Под редакцией Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С.163
- 3) Российская Империя в Зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005.С.128.
- 4) Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой(1263-2000). М.,2007. С. 184